

Философия в современной России (Колонка редактора)

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_5_47

Ю.М. Резник

ФИЛОСОФСКАЯ ЭЛИТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НА ПУТИ К КОНСОЛИДАЦИИ

***Аннотация:** в статье определены некоторые тенденции формирования философской элиты в современной России и показан её двойственный характер. В настоящее время ей необходимо самоопределяться, чтобы ответить на актуальные цивилизационные вызовы России, которые исходят со стороны Запада. По идейным и ценностным основаниям она подразделяется условно на несколько групп («западники», «консерваторы», сторонники «русского мира» и пр.). Для консолидации элиты необходимо разработать интегративные, «объединяющие» идейные платформы и использовать проектные возможности различных центров профессиональной активности отечественных философов.*

***Ключевые слова:** Россия, Запад, цивилизация, философия, философская элита, критерии оценки, идейная платформа, западники, консерваторы, региональная элита, групповая инверсия, конверсия, философские рецепции, интегративные платформы, проекты.*

1. Введение

***Фундаментальные начала общественной жизни России.** Россия переживает сегодня трагический момент в своей истории.*

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент РФО (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru

---

На карту поставлено её выживание как страны, государства и цивилизации. Поэтому цивилизационная парадигма России (комплекс базовых представлений и методов построения цивилизационного проекта) нуждается в принципиальном изменении. Прежняя парадигма, ориентированная на Запад, а также предложенные ею критерии цивилизационного развития нам уже не подходят (см., например, [5]). Нужна иная стратегия, способная разрешить фундаментальные противоречия общественного развития и учитывающая логику развития собственной культуры (или культур).

Убеждён, что единый цивилизационный проект и обусловленная им консолидация элиты может состояться лишь посредством примирения двух общественных начал современной России – условно «буржуазно-мещанского», выражающего интересы не только богатейших людей страны (элиты в широком смысле), но и дух потребительства и стяжательства, с одной стороны, и «народно-социального» (народно-социалистического), тяготеющего к идеям справедливости, равенства и естественности (природосообразности), с другой. Им соответствуют разные идеалы – эго-человечность («концентрация на частных интересах») и социальная или коллективистская человечность («ориентация на коллективные цели и интересы»). Другими словами, в рамках данного проекта можно попытаться соединить в одно целое две России – буржуазно-мещанскую, в которой господствует такой человеческий тип, как эго-деятель, и народно-социалистическую, где присутствует социо-деятель. Пока же они существуют порознь и в конфликте друг с другом.

Новейшая (преимущественно либеральная) российская буржуазия, получившая доступ к собственности и другим ресурсам в результате полукриминальной приватизации и последующих радикально-либеральных реформ, оказалась связанной корпоративными обязательствами с государством и породила особый слой буржуазной бюрократии (см. прим. 1). Поэтому в России не удалось создать общество на основе договора между государством и индивидами. Сферу действия такого договора, который был призван гарантировать неприкосновенность индивида, его права и собственность, заняли государственные чиновники с их негласными правилами и посредническими услугами.

В то же время, что бы ни происходило в России в последние тридцать – тридцать пять лет, оно не смогло стереть в сознании людей потрясающий по своей живучести феномен – «народный социализм» (устойчивый комплекс представлений о справедливом общежитии людей). Его носителем стала народная общественность, которая сформировалась из активной части наёмных и бюджетных работников, осознавших общность своей исторической судьбы.

Но есть и третий субъект цивилизационного развития России. Так уж сложилось в её новейшей истории, что своеобразным буфером между её буржуазной прослойкой и народной общественностью может выступить (и фактически выступает) только национально-ориентированная государственная бюрократия, способная соединить частно-корпоративные интересы и общенародные устремления. И отечественным философам приходится считаться с этим.

Следует отметить, что этатизм есть устойчивая тенденция в развитии российского общества, своего рода константа, сложившаяся в стране за последние несколько сотен лет. Возможно, поэтому в современной России так и не прижилась европейская модель гражданского общества как добровольного объединения собственников, независимых от государства и способных диктовать ему свою политическую волю через легальные механизмы (выборы, забастовки, демонстрации, выступления в СМИ и пр.).

Ведь те, кто пришёл к власти в 1990-е гг. и, несмотря на либерально-буржуазный характер их реформ (проведение приватизации, провозглашение рыночной экономики, утверждение демократической по форме политической системы и пр.) и всю силу пропагандистской машины, так и не сумели разрушить мощную этатистскую традицию в России. Вместе с тем они не смогли уничтожить веру народа в свою Правду и свой идеал социализма как общества равных возможностей. Когда-то считалось, что народ и партия едины. Сегодня ситуация несколько иная, но прежняя командно-административная система социализма не ушла в небытие, а трансформировалась в новую вертикаль власти – нынешнюю государственную бюрократию. При этом народный социализм как феномен общественного сознания продолжает жить вопреки всему. И власть вынуждена с этим

считаться, апеллируя время от времени к воле народа и поддерживая социальные ориентиры государственной политики.

Элитарность есть результат корпоративного отбора капиталистического общества, которое основано на господствующем положении крупной буржуазии (или иного властвующего субъекта, пришедшего ей на смену) и дифференцировано внутри себя по разным основаниям. Но, как известно, в современной России сложился особый тип капитализма — этатистский («государственный капитализм»), который не случайно пришёл на смену государственному или командно-административному социализму. Поэтому отбор элит в ней ведётся несколько по другим критериям, чем в странах так называемого либерального капитализма. Но об этом мы поговорим чуть позже.

Следует отметить, что концепции элиты трудно применимы к анализу советского общества. Для этого нужны совершенно иные критерии. Но в одном нынешняя элита близка к прежней партийно-государственной номенклатуре — в наследовании этатистских традиций.

Пути в философию, которые мы выбираем. У тех же, кто занимается философией, также имеется выбор в том, как и куда нужно идти. Другими словами, есть разные способы «хождения» в философии и магистральные пути философствования. Причём каждой исторической эпохе соответствовала своя пара типов философствования, один из которых занимает доминирующую позицию в сообществе философов, а другой — подчинённую.

В императорский период российской истории можно было, например, «идти к государю», становиться провозвестником его монаршей воли (доминирующая позиция), или, напротив, «идти в народ», как это делали в то время философы-народники, стремящиеся к просвещению народа и поиску народной правды. Накануне революции 1917 г. и в советский период российской истории можно было «идти в революцию», жертвуя собой ради высокой цели, или «идти в партию» и становиться партийным идеологом (доминирующая позиция). Имеется также путь «хождения в элиту», т.е. в касту избранных (и иногда самопровозглашённых) властителей ума, который стал доступен нашим философам в конце XX века (доминирующая позиция). А ещё можно быть в условной оппозиции к тем или другим, реализуя альтер-

нативные варианты философствования и выбирая разные пути «хождения по мукам», которые описаны в трудах русских философов и писателей, в т.ч. в одноименном романе-трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам».

Пути, как мы видим, разные, но исход у всех них один — «прорастание» внутри философии, превращение её в дом своего сознания или в осмысленную, отрефлексированную и постоянно рефлексирующую часть территории собственной жизни. Поэтому философия может выступать в формах монархического или народного, революционного или партийного, элитарного или антиэлитарного сознания, существующих как по отдельности, так и в разных комбинациях, что не отменяет факт доминирования одной из позиций.

Различаются же эти пути не только по миссии «хождения», но и по способам самопрезентации: быть «глашатаем воли государя» (монарха) или выразителем народной мудрости и правды; быть идейным вдохновителем революции или партийным идеологом; наконец, быть представителем избранной части профессионального философского сообщества (элита) или занимать «независимую» позицию и находиться в оппозиции (контрэлита).

И здесь мы можем выделить несколько отрядов философов, которые исторически сменяли друг друга: «философы-монархисты» и «философы-народники», «философы-революционеры» и «партийные философы», «элитарные философы» («философы-элитарии») и «независимые философы», часть из которых может составлять контрэлиту. Между ними могут возникать разного рода связи исторической преемственности: «философы-народники» эволюционируют со временем в «философов-революционеров», которых сменяют «партийные философы», а последние трансформируются в конце прошлого века в «элитарных философов».

А теперь обратимся непосредственно к феномену философской элиты.

К определению философской элиты. «Первые среди прочих». Обычно к элите относят группу лиц, занимающих высокие посты или значимые позиции в государстве, бизнесе, сфере культуры или науки (фр. *élite* — «лучшее; отборное», от лат. *eligo* — «выбираю»). Представители элиты (или «элитарии») — это «первые среди прочих» в обществе, которые появляются на стадии

становления капитализма и первоначально являются выходцами из буржуазии.

Писать об элите в такой области, как философия, сложно, поскольку придётся признать, что она также является отчасти буржуазной, каковой в значительном мере стала сегодняшняя Россия. Но это не совсем так. Её «буржуазность» – вторичный признак. В силу сложившихся в России этатистских традиций преобладающая часть её элиты, в т.ч. философская, служит непосредственно не буржуазии, а государственной бюрократии, от которой напрямую зависит её благополучие.

Далее я буду считать элитой в философском сообществе России ту группу (или группы) известных специалистов, которая исторически формируется в 1990-е гг. и которая, находясь под контролем государства (государственной бюрократии) длительное время: (1) стремится задавать тренды развития философии, реализуя тем самым собственные или заимствованные исследовательские стратегии/платформы; (2) определяет повестку дня философских дискуссий и дискурсов, наполняя их тем или иным идейно-теоретическим содержанием; (3) занимает командные позиции в научной иерархии сообщества, выступая в качестве лидеров и руководителей различных проектов в научно-образовательных учреждениях, их подразделениях, учебно-методических объединениях, экспертных и диссертационных советах, периодических изданиях, общественных объединениях и пр.).

В идеале философскую элиту не назначают сверху, ею становятся в ходе успешного продвижения идейно и ценностно окрашенных философских проектов как внутри страны, так и за рубежом. При этом её развитие во многом зависит от господствующих в обществе представлений о цивилизационном будущем страны. Но на практике, т.е. с учётом наших политических реалий, её положение определяется не только общественным мнением и содержанием исследовательской платформы, но и поддержкой государственной власти. Могу предположить, что традиционно в России шанс на реализацию своей платформы (программы) в первую очередь получает та часть элиты, которая выстраивает «правильные» отношения с властью и добивается её признания.

Полагаю, что отечественная философская элита, сформированная из среды бывших партийных философов, оказалась вполне

способной к самотрансформации. Несмотря на реформы 1990-х гг., она видоизменилась в идейно-теоретическом плане, но не мимикрировала, сохранив социальную устойчивость и ведущие властные позиции. При этом она смогла пережить в постмарксистский период своей деятельности две волны трансформации («либерально-буржуазную» в 1990-е гг. и «консервативно-буржуазную» в 2000-е — 2010-е гг.). И на смену ей так и не пришла контрэлита из числа независимых представителей философской интеллигенции, хотя предпосылки для этого, конечно, были и до сих пор существуют.

В целом надо признать, что нынешней философской элите России, вышедшей в 1990-е гг. из числа бывших партийных философов и унаследовавшей элитарные традиции, удалось сделать за тридцать с лишним лет достаточно много, в т.ч.:

- наладить сеть научных коммуникаций с философами Запада и других цивилизационных центров мира;

- организовать подготовку и издание фундаментальных трудов, в т.ч. научных переводов классиков философии, новой философской энциклопедии, словарей и справочников, серии книг по истории отечественной и зарубежной философии и т.д.;

- поддержать деятельность редакций философских журналов и философских сообществ (общественных организаций и объединений, в т.ч. РФО);

- сохранить философию как учебную дисциплину в вузах и средних профессиональных учреждениях, несмотря на некоторые губительные (для гуманитарного цикла дисциплин) последствия реформ образования в стране, и даже расширить профессиональную подготовку философов.

Но достаточно ли этого, чтобы по-прежнему считаться элитой? Мне трудно судить. Возможно, чтобы быть элитарным философом, надо попытаться выразить или запечатлеть эпоху в мысли, как призывал Гегель. По силам ли нашей элите такая миссия? Не знаю. Пока она даже не претендует на это, отдавая лавры первенства в формулировании основополагающих философских идей западным мыслителям, которые уже объявили наступление эры «философии без границ», а значит, экспансия западной философии всё ещё продолжается.

Замечу также, что мой анализ не лишен идейно-ценностных пристрастий и будет проводиться с позиций консервативного

(пророссийского) крыла философского сообщества. От элитарности трудно освободиться, как и от лоскутка шагреновой кожи, который предписывал герою известного романа О. Бальзака особый путь, хотя и губительный в духовном плане, но полный невероятных возможностей.

Шагреновая кожа — это своего рода талисман, который получают элитарии при вступлении в сообщество «равноизбранных». И, желая того или нет, они остаются его заложниками на всю оставшуюся жизнь. За исполнение своих желаний приходится платить несопоставимую цену. Поэтому быть элитарием в духовно-нравственном плане — это тяжкая ноша, которая, удовлетворяя вполне объяснимые человеческие амбиции, а также предоставляя новые жизненные шансы, отбирает вместе с тем силы и энергию от главного дела жизни — служения философии. Но здесь многое зависит от путей «хождения в философии», которые мы выбираем. В элиту нельзя попасть, что называется, «с улицы» или по-своему желанию/хотению.

Конечно, при изучении философской элиты проще всего обратиться к количественным показателям оценки научной результативности, определяющих рейтинг исследователя в научном «табеле о рангах» (количество цитируемых произведений, коэффициент Хирша и пр.). Но при выборе претендентов на элитарность мы сталкиваемся, как минимум, с тремя трудностями. Во-первых, многие из тех, кого система РИНЦ относит к философам, не являются кандидатами или докторами философских наук. К тому же их принадлежность к философскому цеху трудно определить. Во-вторых, непонятно, как быть с теми исследователями, которые работают не по профилю или в нефилософских научно-образовательных учреждениях. И, в-третьих, те, кто входит в элиту по факту, не всегда располагают высоким научным рейтингом. Поэтому в любом случае приходится иметь дело лишь с приблизительными данными исследователей, которые идентифицируют себя с философией.

Могут опять же предположить, что элитарными философами в России становятся чаще всего не по формальным критериям (и даже не по совокупности показателей: рейтинг, публикационная активность, победа в научных конкурсах и пр.), хотя бывают и редкие исключения. Существует ещё негласный (неформальный)

рейтинг, который формируется общественным мнением внутри сообщества и во многом благодаря личным контактам.

И всё же недостаточно получить высокий рейтинг или иметь признание коллег или сторонников, чтобы войти в элиту (например, стать академиком РАН). Вход в неё, как и в любое корпоративное образование, ограничен. Поэтому мало быть известным исследователем и пользоваться авторитетом в «узких» или «широких» научных кругах. Необходимо ещё освоить правила входа («допуска») в элиту и получить поддержку влиятельных лиц или корпоративных структур. И в этом я не вижу ничего предосудительного. У каждого общества имеются своя культурная специфика «хождения в элиту» и особенности становления философа в качестве элитарного деятеля.

Впрочем, существует ещё один, некорпоративный путь хождения в философии – движение «других первых» в философском сообществе. Но их нельзя считать элитой в указанном выше смысле. Допускаю, что им ещё только предстоит ею стать. А, возможно, они «пойдут другим путём», как сказал В.И. Ульянов после казни своего брата Александра.

Цель и задачи анализа. Основная цель данного исследования – сравнительный анализ формирования разных групп философской элиты современной России на основе предложенных автором критериев экспертной оценки. При этом задачи исследования таковы:

1) попытаться выявить качественные (профессиональные, идейные, ценностные, цивилизационные) характеристики сообщества элитарных философов, учитывая их собственный опыт самопрезентации и самоописания;

2) показать двойственность положения философской элиты в России и механизмов её формирования, в т.ч. рассмотреть идентификационные и корпоративные механизмы;

3) проанализировать возможности интеграции исследовательских платформ, предлагаемых представителями «западнической» части элиты;

4) определить альтернативные пути интеграции исследовательских платформ на основе обобщенных критериев.

В качестве рабочих гипотез выскажу следующие положения:

а) можно предположить, что отечественная философская элита складывается в результате корпоративного отбора в пери-

од капиталистической трансформации российского общества и приходит на смену прежним корпоративным объединениям философов, сохраняя при этом этатистские традиции;

б) можно также предположить, что качество элиты определяется, с одной стороны, государственной корпоративностью (как принадлежностью к философским корпорациям, интегрированным в государственные структуры), а с другой — принятой идейно-ценностной платформой, соответствующей тому или иному культурно-цивилизационному контексту;

в) по-видимому, двойственность философской элиты определяется, прежде всего, тем, что она, продолжая существовать одновременно как в чужой (западноцентристской), так и в собственной (россицентристской) системе цивилизационных координат, разделена по ценностным (прежде всего, по буржуазно-мещанским или народно-социальным) и региональным критериям, а также благодаря механизмам идентификации и корпоративного отбора;

г) можно допустить, что консервативный поворот в деятельности современной философской элиты России происходит в форме противоборства двух направлений (векторов) развития, каждое из которых содержит потенциал для интеграции идейных платформ: условно корпоративно-буржуазного (правые консерваторы) и социально-евразийского (левые консерваторы).

Сразу хочу отметить, что чётких критериев оценки элитарности философов до сих пор не существует, или они разработаны в недостаточной мере. Поэтому мне придётся идти по неизведанному маршруту, что называется, «наощупь». И я отдаю себе отчёт в том, что на этом пути меня ожидает много «подводных камней». Например, чтобы быть хотя бы отчасти беспристрастным, необходимо абстрагироваться от имеющихся у элитариев техник самоописания и самопрезентации, которые создают выгодный или удобный для них образ действий.

2. Анализ состояния философской элиты в современной России

Некоторые предпосылки анализа качественных параметров элитарности отечественных философов. Перейду теперь к анализу проблемы определения качества философской элиты. В целом

это качество я могу выразить одним словом — «корпоративность», которая рассматривается как в узком (буржуазная корпоративность), так и в широком культурно-цивилизационном контексте (западническая или консервативная, пророссийская корпоративность). А это значит, что качество элиты определяется в первую очередь её включённостью в корпорации своего государства и в международные философские корпорации. При этом я вижу несколько путей постановки и решения данной проблемы.

Во-первых, качество философской элиты обусловлено как *локально-цивилизационной*, так и *глобальной* спецификой её профессиональной деятельности. Этим содержание фундаментальных исследований в естественных или точных науках отличается от содержания гуманитарных и философских исследований. Для «естественников» важно последовательно решать поставленные задачи, опираясь на добротную экспериментальную базу, и в итоге совершить научное открытие, имеющее зачастую глобальный характер. Для философа же предметом эксперимента выступает весь мир. Последний конструируется в его сознании с учётом близкого ему культурного контекста. Поэтому он осуществляет мысленный эксперимент, который, опять же, можно верифицировать по культурным основаниям. Мысль о мире вообще субъективна и интерессубъективна в одно и то же время. Хотя её индивидуальное своеобразие нельзя воспроизвести в голове другого философа, но её можно передать другому как носителю родственной культуры в виде определённой мыслесхемы.

Поэтому философ каждый раз, приступая к исследованию, создаёт образ мира (или его сегмента) в своём воображении, который изначально культурно детерминирован. И очевидно, что это не только его картина мира или его взгляд на него, которые нельзя скопировать или передать другому. Ведь он находится не в безвоздушном пространстве, а погружён в уникальную социоприродную и культурную среду (сферу местобытия). Кроме того, он должен следовать корпоративным канонам того или иного философского сообщества. Таков удел любого элитарного философа. Чтобы сохранить своё «привилегированное» положение, он должен, кроме всего прочего, быть выразителем интересов корпорации, от имени которой создает мыслесхемы и смыслы эпохи.

Следовательно, качество философской элиты и вырабатываемой ею картины мира зависит во многом от исходного социального и культурно-цивилизационного образца. В известном смысле философия есть самосознание локально-исторической цивилизации. Пока такого самосознания нет, нет по большому счету и единой национальной философии, а, следовательно, её субъект — философская элита — оказывается внутренне раздробленным. В нём по-прежнему присутствуют как сторонники западной (в т.ч. европейской) культуры, так и те, кто опирается на лучшие традиции русской и советской философии. И если первые из них, по видимому, считают философию носителем универсальных идей, культивируемых западной цивилизацией, то вторые настаивают, скорее всего, на определяющем характере культурно-цивилизационного контекста («почвы») всякой философии. При этом и те, и другие являются представителями нашей элиты.

Но это в теории. А на практике профессиональная деятельность элиты принципиально не изменилась в нынешнее время. Большинство её участников по-прежнему занимаются тем, чем занимались раньше. И лишь немногие из них пытаются изменить или скорректировать картину мира, вписывая в неё цивилизационную стратегию России и отмечая такие черты, как все-субъектность, полиэтничность, многоконфессиональность, пограничный характер и пр. Но имеются и противники российского цивилизационного проекта, отказывающие России в самостоятельном пути развития и подчёркивающие её несамодостаточность, а также наличие в ней перманентного социокультурного раскола.

Вывод: качество философской элиты зависит не столько от самобытности и оригинальности мышления входящих в неё философов, сколько от их возможности создавать новую картину мира с учетом культурно-цивилизационных координат собственной страны. Вопрос же о том, можно ли считать элитой философов, которые не придерживаются данного критерия и продолжают работать в чужой цивилизационной логике, я оставляю открытым.

Во-вторых, философская элита призвана задавать мировоззренческие тренды своей страны. Увы, на философские идеи, как и на предметы искусства, существует *мода*, которой следуют

философы как представители разных корпоративных объединений, являющиеся в свою очередь участниками международных мегакорпораций (см. прим. 2). Законодателями же моды во многих российских философских корпорациях чаще всего выступают известные западные мыслители.

В 1990-е гг. наши философы в своём большинстве отошли от марксизма, вынужденно отказавшись от статуса партийных философов, и принялись активно осваивать зарубежное философское наследие. Поэтому до недавнего времени в России было в известном смысле «модно» заниматься новейшими течениями западной философии (экзистенциализм, неореализм, прагматизм, аналитическая философия, постмодернизм и т.д.).

Теперь же мода на них не то, чтобы прошла, но появились новые настроения, навеянные нынешней ситуацией противостояния России с Западом. Всё больше звучат призывы быть патриотичными или чаще обращаться к истокам русской философии, чтобы искать в ней ответы на животрепещущие вопросы современности. Но многие элитарные философы оказались не готовы к новым вызовам.

Возможно, это объясняется тем, что смена западнцентристской парадигмы окончательно не произошла и поэтому новое лицо отечественной философии в полной мере не проявилось. Для сторонников консервативного (пророссийского) крыла философской элиты стало очевидным, что нужна культуроцентристская (и россицентристская в целом), т.е. базирующаяся на собственной культуре и укоренённая в местобытии, парадигма цивилизационного развития России. Но пока дальше осознания этого они не пошли. И вполне возможно, что перед другими элитарными (и не только) группами подобная задача не стоит.

Ещё раз подчёркиваю, Россия заслуживает собственной философской повестки дня. И ей не следует соответствовать модным течениям в западной философии, чтобы сформировать свои ответы на цивилизационные вызовы современного мира. Достаточно обратиться к критическому анализу как собственного, так и зарубежного исторического опыта. И я уверен, что нынешнее философское сообщество страны сможет решить эту задачу, если ему, конечно, удастся перестроиться и объединиться на новых, в т.ч. на корпоративных, основаниях.

Вывод: отечественная философия и её элита, учитывая подверженность влиянию модных тенденций, а также в силу отсутствия конвенционально приемлемой цивилизационной парадигмы, характеризуется сегодня состоянием неопределённости и поиска новых исследовательских направлений.

В-третьих, качество философской элиты современной России зависит от степени её интегрированности *в международные структуры* и от того, что она может предложить для решения проблем, актуальных для нынешнего состояния российского общества, оказавшегося в буквальном смысле в экономической и политической блокаде. Ведь совместить глобальную и национальную повестки дня сегодня трудно. Для официальных политиков Запада Россия – страна-агрессор и авторитарная система. Да и западные философы выступают с осуждением российских исследователей, поддерживающих политический курс российского государства, и оказывают на них воздействие через философские мегакорпорации.

Но что предлагает западная мегакорпорация философов в качестве повестки дня современной философии? На следующий всемирный философский конгресс, который состоится в августе 2024 г. в Риме, официального приглашения в Российское философское общество не поступало. Однако отдельные философы могут подавать заявки на конгресс и решать проблему своей поездки самостоятельно (см. прим. 3). Кроме того, организатор конгресса – Международная федерация философских обществ (МФФО) – *10 марта 2022 г. приняла «Заявление о российском вторжении в Украину»*, что придаёт предстоящему конгрессу политическую окраску.

Российским философам, как и спортсменам – участникам олимпиад и мировых чемпионатов, предлагается отказаться от символического флага своей Родины в угоду так называемой «мировой философии», звание которой присвоили себе западные философские корпорации, претендующие на универсализм своих подходов и ценностей, и осудить действия политического руководства своей страны. Не случайно тема очередного всемирного конгресса – «Философия через границы» (варианты – «Философия без границ», «Философия вне границ»; см. прим. 4). И дело не только в том, что вряд ли многие отечественные фи-

лософы, переживающие тяжелый момент в жизни своей страны, смогут адекватно воспринять феминистскую философию, теорию игр, гендер- и квир-философию или философию еды как актуальную часть своей исследовательской программы.

Нетрудно догадаться, какая философия должна пройти «сквозь» или «через» границы, которые определяются философскими корпорациями Запада. Я убеждён, что нет такой философии, которая подходит для всех обществ и культур современного мира. Те, кто предлагает убрать границы, вовсе не безобидные космополиты, а субъекты, заинтересованные в продолжении доминирования либерально-западнических идей и корпоративных ценностей в интеллектуальном пространстве России. Но теперь они отказывают нашей стране в идейном суверенитете и привносят в её образ ещё и политические мотивы.

Вывод: философская элита как качественная определённая сложилась под идейным воздействием философских мегакорпораций Запада, зависимость от которых ей пока не удалось преодолеть. Не учитывать последнее — это значит не понимать реального положения, в котором оказалась отечественная элита в последние годы. Но хватит ли ей решимости от зависимости и предъявить свою картину мира и программу переустройства России в условиях цивилизационного противостояния с Западом, покажет время.

В-пятых, качество философской элиты зависит от того, какую *историю* современного этапа развития философской мысли и какие фундаментальные издательские проекты (монографии, переводы, энциклопедии, периодические издания и пр.) ей удалось создать как внутри сообщества, так и за рубежом.

Центральный момент в развитии и самоописании элиты — создание национальной философской энциклопедии. По сути дела, это можно считать показателем состоятельности элиты, её способности выходить за жёсткие рамки западных философских корпораций и предлагать собственную и адаптированную систему категорий, посредством которой формируется картина мира, учитывающая исторический опыт и социокультурные реалии России. Поэтому смена поколений в элите происходит во многом в зависимости от фундаментальных исследовательских и издательских проектов, продвигаемых и реализуемых новым поколением философов страны.

Надо признать, что советскому поколению философов удалось издать в 1960-х гг. – начале 1970-х гг. пятитомную энциклопедию (под ред. акад. Ф.В. Константинова), которая служила читательской аудитории несколько десятилетий благодаря блестящему авторскому коллективу.

Поколение элитарных философов, которое пришло на ключевые позиции в российской философии на следующем этапе, смогло подготовить в 1990-е гг. и издать в 2000-2001 гг. «Новую философскую энциклопедию», вышедшую в 4-х томах (председатель научно-редакционного совета – акад. В.С. Степин). Она получила широкое признание и до сих пор является единственным энциклопедическим изданием такого масштаба в стране. Кроме того, коллектив Института философии РАН продолжает выпуск электронной философской энциклопедии под руководством акад. А.А. Гусейнова (см. прим. 5).

В дополнение к энциклопедии выходят также фундаментальные книжные серии, в т.ч. серия «Философия России» – совместный проект Института философии РАН, Фонда им. Г.П. Шедровицкого и издательства «Российская политическая энциклопедия», при финансовой поддержке Фонда Олега Дерипаска «Вольное Дело». Редакционный совет серии: В.С. Стёпин (председатель), В.А. Лекторский (главный редактор серии), А.А. Гусейнов, В.И. Толстых, П.Г. Шедровицкий.

Как сообщается на сайте Института философии РАН, проект «Философия России второй половины XX века» стартовал в 2006 г., успев обогатить библиотеки биографиями русских мыслителей второй половины XX века, оказавших влияние на мировую науку. Серия состоит из 21 тома и посвящена анализу идей, высказанных А.Ф. Лосевым, М.М. Бахтиным, В.Ф. Асмусом, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Кедровым, Э.В. Ильенковым, А.А. Зиновьевым, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фроловым, П.В. Копниным, В.С. Библером, Г.П. Шедровицким, М.А. Лифшицем, Г.С. Батищевым, М.К. Петровым, В.А. Смирновым, Э.Г. Юдиным, Ю.М. Лотманом, Л.Н. Митрохиным. Отдельный том называется «Из XX века в век XXI: В.С. Стёпин, Т.И. Ойзерман, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский» (см. прим. 6). Ещё один том – «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд» (под ред. В.А. Лекторского) – вышел в 2014 г. В новой

серии «Философия первой половины XX века» издано ещё 37 томов.

Отдельного внимания заслуживают научные переводы трудов известных зарубежных философов, оказавших влияние на философскую мысль страны. За последние десятилетия в России изданы сотни переводов важнейших философских произведений. И в этом ключевую роль сыграли элитарные философы. Многие из них являются не только прекрасными исследователями, но и профессиональными переводчиками.

Философская элита страны располагает также собственной сетью научных журналов. Только в Институте философии РАН выходит 12 журналов, в т.ч. «Вопросы философии» (глав. ред. — Б.И. Пружинин), «Философский журнал» (глав. ред. — А.В. Смирнов), «Эпистемология и философия науки» (глав. ред. — И.Т. Касавин), «Философия науки и техники» (глав. ред. — В.А. Лекторский), «Логические исследования» (глав. ред. — В.И. Шалак), «Этическая мысль» (глав. ред. — А.А. Гусейнов), «История философии» (глав. ред. — И.И. Блауберг), «Философия религии» (глав. ред. — В.К. Шохин) и др. Кроме того, философские журналы издаются в разных регионах страны, в т.ч. во всех отделениях РАН и крупнейших вузах.

Вывод: качество философской элиты России определяется уровнем фундаментальных научных и издательских проектов, в т.ч. энциклопедиями, сериями книг и периодическими изданиями (научными журналами и альманахами). Но главный проект, который формирует научную репутацию элите в масштабе всей страны и за рубежом, — это, разумеется, национальная философская энциклопедия. Она, если хотите, есть визитная карточка элиты в мире «большой» философии.

Итак, философская элита современной России является идейно не самодостаточной по содержанию своей исследовательской деятельности и корпоративно-государственной по форме организации. Налицо все классические признаки корпоративности — привилегированное положение, закрытость, обособленность и замкнутость в пределах устанавливаемого или конструируемого философского пространства («контролируемых философских территорий»). Кроме того, она интегрирована в международные (прежде всего, западные) мегакорпорации. Но корпо-

ративность — не приговор, а характерная черта развития нынешней элиты, которая, наверное, сегодня другой быть не может. Наступит время и появятся новые формы объединения философов. А пока надо понять, чем объясняется двойственность отечественной философской элиты и как можно соединить противоборствующие в ней корпоративные объединения.

Двойственность философской элиты в России и различие представлений об элитарности философов. Философская элита России носит внутренне противоречивый характер. Это объясняется, с одной стороны, тем, что она продолжает существовать одновременно как в чужой (преимущественно западной), так и в собственной (пророссийской) системе цивилизационных координат, и пока не готова в полной мере к реализации своей повестки дня. С другой стороны, разные элитарные группы (западники, консерваторы и пр.) принадлежат к тем или иным отрядам интеллигенции (корпоративно-буржуазной или социально-народной), различающимся своим отношением к государству. Представим теперь некоторые положения.

1. Элита философов современной России подразделяется по *идейно-теоретическим и ценностным основаниям* как минимум на две корпоративные группы. Исторически они воспроизводят отношения «западников» и «почвенников», а фактически речь идёт о принципиальном различии предлагаемых ими моделей мира и типов цивилизационного развития, а также о разных социальных установках. Так, для первых из них Россия — часть Запада (Европы), которая должна соответствовать его логике развития (западники). Оказывается, можно жить в стране, пользоваться её благами и делать успешную карьеру, но мыслить себя в терминах другой культуры и разговаривать на «чужом» философском языке. Для вторых — это самостоятельная («самобытная») цивилизация, претендующая на собственный путь развития и базирующаяся на своей культурно-исторической идентичности (пророссийски настроенные консерваторы). Но у последних возникают трудности с философским языком, посредством которого можно было бы адекватно представить наступившую эпоху в целом и цивилизационное будущее России, в частности.

Попытаюсь теперь конкретизировать идейные различия между двумя самыми крупными философскими корпорациями в

России – условными «западниками», придерживающимися западных ценностей и философских идей, и «консерваторами» («консерваторами-патриотами»), ориентированными на собственно российские ценности и идеи отечественной философии. Поскольку философия, сколь бы рациональной она ни была, не может окончательно избавиться от господствующих мифов (а идеи в моём понимании суть не что иное как рационально обоснованные мифы), то в качестве критерия дифференциации философской элиты можно предложить также предпочитаемые ими идеи: Свободу («западники») или Порядок («консерваторы»).

С этой точки зрения, элита дифференцируется внутри себя на тех, кого можно назвать служителями идеи Свободы, подразделяемых условно на сторонников «свободы для всех» (классические либерал-западники) или поборников «свободы для избранных» (неолибералы), и тех, кто служит идее Порядка, который определяется либо в терминах справедливости («справедливый порядок») – левые консерваторы, тяготеющие к народной общественности, либо в терминах традиций, т.ч. буржуазных («традиционный порядок») – правые консерваторы. Как бы там ни было, внутри нашей элиты сложились разные представления об основополагающей философской идее, а, следовательно, и о путях философствования, которые к ней ведут.

Между этими полюсами находится значительная по численности группа философов-элитариев, которые пытаются, с одной стороны, совместить позиции западников и консерваторов («либерал-консерваторы» или «консерваторы-западники»), а с другой, выстроить межкорпоративные связи. Чаще всего они, выступая за сохранение лучших традиций западничества в России как неотъемлемой части европейской культуры, сумели приспособиться к консервативному повороту, наметившемуся в последние два десятилетия в российском государстве.

Конечно, меня могут упрекнуть в том, что Порядок и Свобода не только не исключают, но и предполагают друг друга. И что якобы Свобода без Порядка – анархия и произвол. А Порядок без Свободы – насилие и смерть. Всё это так, если речь идёт о полярных позициях. Но я ведь говорю о разных акцентах в трактовке основополагающих философских идей. Мы можем строить общество Свободы, основываясь на ограничении или

расширении существующего Порядка (например, на идее минимального вмешательства государства в дела общества). А можем представлять Порядок как самоограничение индивидуальной Свободы и движение в сторону социализма, гармонизирующего, как нам представляется, общественные и частные интересы.

За идейными разногласиями представителей элиты стоят разные корпоративные *ценности*. Но не нужно забывать, что это — ценности, складывающиеся внутри государственно-корпоративной элиты, одна часть которой тяготеет к буржуазно-мещанскому началу общественного развития, а другая — к народно-социалистическому. Казалось бы, цель сторонников западничества «нейтральна» в ценностном плане — развивать идею Свободы и раскрывать потенциал критически-рефлексивного мышления. Но ведь критически мыслить могут не только философы-западники. К тому же важно понять, на что может быть направлена такая критика философа — на самого себя, политический режим или мир в целом. На мой взгляд, критика нужна в первую очередь для разоблачения мировоззренческих мифов, в т.ч. либерально-буржуазных.

Конечно, философы не могут стоять в стороне от государства, наблюдая за тем, что с ним происходит во внутренней и внешней политике. Как не вспомнить в этой связи слова В. Соловьёва о том, что большая перемена в развитии отечественной философии ещё не наступила, и сильная государственная власть «в годину испытаний одна, сама по себе, не могла спасти ни народа, ни самое себя» [4, 177-178]. А это значит, что отечественным философам ещё рано расслабляться. Им в пору закатывать рукава и помогать российскому государству решать стоящие перед ним метафизические проблемы. И одна из главных проблем заключается не в том, быть или не быть России, а в том, какой ей быть в цивилизационном плане. Должны ли при этом философы выступать «глашатаями воли государя», о чём писал Соловьёв, или становиться выразителями народно-социалистического начала — это вопрос их мировоззренческого, гражданского и экзистенциального выбора.

Поэтому отечественная философская элита, будучи государственно-корпоративной по форме, не может оставаться нейтральной в ценностном отношении. Её идеи всегда ценностно

окрашены и корпоративно обусловлены. Она учит не просто критическому мышлению, а тому, во что принято верить в том или ином цивилизационном сообществе.

А это значит, что когда философы-элитарии (преимущественно либерально-западнической ориентации) говорят о критическом мышлении (и даже предлагают его выделить в качестве отдельной учебной дисциплины, призванной, в конечном счете, потеснить или подменить саму философию), то они на самом деле лукавят. На словах они заявляют о снятии с философии идеологических рамок (каковой должна стать в их представлении «философия без границ»), а на деле – выхолащивают её ценностное содержание, прибегая к помощи идеологических и ценностных конструктов чужой цивилизации («свобода», «рынок», «воздержание от ценностных суждений» и т.п.), т.е. оставаясь в системе цивилизационных координат Запада. Однако в этом нельзя обвинить национально ориентированную часть интеллигенции, которая не обязана своим благополучием компрадорской части буржуазии и прозападной государственной бюрократии.

Ценности – не идеалы (или «план маршрута»), на основании которых мы создаём культуру. Они объективны и в известном смысле «вечны», как утверждал А.Н. Уатхейд. Это – регулятивы, которые объединяют сообщества людей значимостью чего-либо, превращая их тем самым если не в единомышленников, то в идейно близких участников взаимодействия, одним словом, в носителей «своей» культуры, как бы кто-то ни пытался разрушить культурные границы и построить «мир без границ». Но так уж сложилось, что в нашей стране сосуществует друг с другом две системы ценностей – «буржуазно-мещанская» и «народно-социалистическая». И одна часть философской элиты, оставаясь по форме государственной (правые консерваторы), продолжает выражать интересы и ценности прозападной буржуазии, которая, как это уже не раз бывало в России, «страшно далека от народа». Другая же часть элиты, которую можно условно назвать «народными государственниками» (левые консерваторы), стремится направить деятельность государства в направлении служения интересам народного большинства.

Следовательно, идейные противоречия представителей философской элиты ценностно окрашены и корпоративно обус-

ловлены. В настоящее время ещё одним маркером, разделяющим их на ценностно различные группы, стало отношение к противостоянию России с Западом. Как известно, Запад отрицает нашу цивилизацию, прежде всего, по ценностным основаниям. И это несмотря на то, что многие годы наша политическая элита культивировала в стране западные ценности, не считаясь с народными традициями. Быть или не быть России самостоятельной цивилизацией, как и возможность самим творить собственную историю и оставаться суверенными в культурном смысле (в т.ч. как государство-цивилизация), зависит сегодня от исхода цивилизационного противостояния.

И в этой ситуации философская элита страны не может оставаться в стороне или занимать выжидательную позицию. При этом я не хочу никого упрекать в непатриотичности поведения. Ведь каждая из элитарных групп (западники или консерваторы, буржуазные или народные «государственники») предлагает свой путь к укреплению, процветанию и развитию России, а также свои представления о соединении идей Порядка и Свободы в рамках собственного цивилизационного проекта. И противоречия между ними вызваны во многом принципиальным различием ценностных установок и цивилизационных ориентиров. Ведь трудно, отстаивая свои национальные интересы, ещё и соответствовать западным цивилизационным стандартам. В какой-то момент придётся делать выбор.

Полагаю, что основной конфликт внутри философской элиты происходит не только между приверженцами западных ценностей (западники) и сторонниками национальных ценностей (консерваторы), но и между сторонниками буржуазно-мещанских ценностей (либеральные мыслители и буржуазные консерваторы) и представителями народно-социалистического идеала («народные государственники» и социалисты).

Отсюда вытекают и разные точки зрения на соотношение идей Свободы и Порядка применительно к анализу цивилизационного развития России. Можно, например, взять за основу проект модернизации, апробированный на Западе и адаптированный им для стран третьего мира, а можно опираться на собственные возможности и ресурсы, используя не только западные технологии, но и национальные разработки в сфере ВПК в

Таблица 1. Идеино-ценностная дифференциация философской элиты современной России

Типы ценностных ориентаций	Типы идейных ориентаций	
	Западническая ориентация (идея Свободы)	Консервативная ориентация (идея Порядка)
Буржуазно-мещанская ориентация	Правые западники («либералы-западники», «неолибералы» и др.)	Правые консерваторы («буржуазные государственники», «национальные консерваторы», «национальные демократы» и пр.)
Народно-социалистическая ориентация	Левые западники («постмарксисты», «евросоциалисты» и др.)	Левые консерваторы («народные государственники», «евразийские социалисты», «экосоциалисты» и др.)

гражданском секторе экономики, а также возрождая и развивая различные промыслы, исторически сложившиеся в разных регионах России.

Должен отметить, что между «западниками» и «консерваторами», «либеральными государственниками» и «народными государственниками» имеются точки сближения ценностных ориентаций, когда речь заходит о справедливом порядке. Как сказал в беседе со мной И.И. Докучаев, это – «уважение к закону и справедливому правопорядку, социальная поддержка человека и уважение к национальным традициям». И я согласен с ним в том, что «нужно навести порядок в собственном доме и научиться уважать друг друга». Но договориться на межкорпоративной основе не всегда получается. Часть корпоративной элиты успела «обуржуазиться», превратиться не просто в зажиточный слой, которому есть что терять, но и в интеллектуальную аристократию, претендующую (и часто не без оснований) на первенство. Буржуазности элиты противостоит народность, понимаемая как ориентация на справедливое общежитие всех членов общества, которой придерживаются народно-государственные элитарии и левые консерваторы.

В целом мы получаем четыре группы отечественных элитариев, подразделяемых по идейным и ценностным основаниям (см. табл. 1).

Очевидно, что без участия государственной бюрократии примирить эти части философской элиты будет трудно. Поэтому элитарии должны привлечь на свою сторону национально ориентированных чиновников.

Вывод: корпоративная элита философов России дифференцирована в первую очередь по идейным и ценностным основаниям. Она участвует в «производстве ценностей» общества, которые, в свою очередь, интегрированы в тело философии и во многом обуславливают идейные различия между членами всего философского общества. Однако, чтобы преодолеть идейные разногласия, недостаточно найти точки сближения между «буржуазно-мещанскими» и «народно-социальными» ценностями, которые разделяют конкурирующие элитарные группы философов и соответствующие части чиновничества. Нужно сформировать единую идейно-ценностную платформу.

2. Философская элита страны разделена ещё по одному основанию: «*центр – периферия*». Главный бич отечественного философского (и не только) сообщества на протяжении последних двух веков – его чрезмерная централизация, т.е. концентрация основных творческих сил и ресурсов в центре. Так, только в отделениях РФО в Москве и Санкт-Петербурге числится на 2022 г. около 900 членов общества из 2100 чел. Это чуть меньше половины всех членов РФО. Добавим к ним преподавателей философии в вузах и колледжах обеих столиц и получится внушительное количество.

Несколько слов о региональных философских элитах. Безусловно, таковые имеются и им отводится по факту второстепенная роль в развитии отечественной философии. Могут лишь перечислить крупные философские центры, сосредоточенные в городах, в которых работают сегодня элитарные философы. Это – центры в городах Северо-Запада России (например, Архангельск, Калининград, Великий Новгород, Псков), Юга России и Северного Кавказа (прежде всего, Воронеж, Курск, Белгород, Ростов-на-Дону, Ставрополь и др.), Поволжья (Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Волгоград и др.), Урала (Екатеринбург, Челябинск и др.), Сибири (Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул и др.) и Дальнего Востока (Хабаровск, Владивосток и др.).

Какие же факторы способствуют, с моей точки зрения, формированию региональной философской элиты в России? Это:

- наличие научных лидеров на факультетах или кафедрах философии в вузах (федеральных университетах и НИУ) и отделениях РАН, сосредоточенных в основном в крупных городах или мегаполисах страны;

- многолетние исследовательские традиции и систематические конференции (семинары) по ключевым проблемам философии;
- выпуск фундаментальных трудов по философии, получивших широкое признание в стране и за рубежом;
- регулярная грантовая и иная финансовая поддержка исследователей по философии;
- благоприятная корпоративная (прежде всего, административно-управленческая) среда.

Хочу отметить, что региональная философская элита также оказалась не свободной от корпоративных связей и «внешних» идейных влияний. С одной стороны, региональные объединения философов заинтересованы в тесном взаимодействии не только с национальными, но и международными философскими корпорациями. Некоторые из них имеют прямые контакты с зарубежными философскими центрами. С другой стороны, в том или ином виде в ней присутствуют «модные» на Западе идейные течения, в т.ч. аналитическая философия, философская герменевтика, философия сознания, языка, постмодернистская философия, сравнительная философия, гендерная философия и пр. Всё это лишний раз подтверждает мою гипотезу о теоретической зависимости отечественной философской элиты от основополагающих идей Запада.

И всё же надо воздать должное региональным философам. Им гораздо сложнее продвигать свои идеи и проекты в интеллектуальном пространстве России. Но, несмотря на все трудности, они продолжают служить российской философии, используя все доступные им возможности и ресурсы.

Вывод: философская элита современной России сосредоточена главным образом в центре (Москве и Санкт-Петербурге). И в ней по-прежнему преобладают центростремительные тенденции. У столичных элитарных философов значительно больше шансов для продвижения своих идей, а также для получения публичного признания и необходимых ресурсов. Это реальность, от которой необходимо отталкиваться для того, чтобы искать альтернативные механизмы формирования философской элиты в современной России.

3. Двойственность отечественной философской элиты во многом обусловлена разными *идентификационными механизма-*

ми, реализуемыми в их основной профессиональной деятельности, в т.ч. в производстве или воспроизводстве смыслов. Это механизмы переноса (лат. *inversio* – переворачивание, перенос, перестановка), превращения (лат. *conversio* – изменение, превращение), принятия (лат. *receptio* – принятие) и вовлечения или участия (англ. *involvement* – участие).

Философский *перенос* или инверсия здесь понимается как механизм групповой идентификации отечественных философов, при которой ими производится перестановка культурных смыслов или их замена другими смыслами, присущими чужой культуре и философии. Именно так поступают сторонники западно-центризма в отечественной философии. Они часто выдают желаемое за действительное, присваивая собственным философским исследованиям понятийные ярлыки, взятые из концептуального арсенала западной философии. И проблема заключается в том, что реальность, к которой они обращаются, находится в иной мировоззренческой и культурной плоскостях. Чаще всего такие исследования противоречат логике собственной культуры.

Философское *превращение* (конверсия) рассматривается мной как ещё один механизм групповой идентификации философов, в ходе которой предпринимаются попытки приспособить идейное содержание (понятия, идеи, концепции и пр.) какой-либо философской системы (школы, направления) к нуждам собственных исследований и вписать его в культурно-цивилизационный контекст своей страны. Превращению или конверсии подлежат не только идеи зарубежных философов, но и русских философов XIX – первой половины XX вв. Примером последнего могут служить концепции современного неоевразийства, которые отошли от исходных позиций классических евразийцев и стали на путь переосмысления их идей.

Кроме того, практически все элитарные группы прибегают к философским *заимствованиям* (рецепциям) чужих культурных форм и философских идей. Этим занимаются многие исследователи, пытаясь дать собственную интерпретацию заимствованным идеям. Различие между ними состоит лишь в том, что принимается за основу – исходные идеи зарубежных (прежде всего, западных) философов, определяющих уже долгие годы повестку дня в отечественном сообществе («прямые» рецепции – либе-

рал-западники), или философские идеи, частично адаптированные к российским социокультурным реалиям («косвенные» рецепции – западники-консерваторы).

Участие или партиципация (лат. *participatio* – участие, англ. *participation* – причастность) характеризует механизм вовлечения философов в существующие исследовательские проекты. Благодаря ей возникают общие идейные платформы (сети проектов). Этот механизм используется большинством элитарных групп.

Вывод: философская элита страны, будучи взаимозависимой в идейно-теоретическом и организационном плане с зарубежной (по преимуществу западной) философской корпорацией, прибегает к разного рода приёмам или механизмам, в т.ч. к переносу (инверсии), превращению (конверсии), заимствованию (рецепции) и участию (партиципации), что не исключает целиком её движения в сторону обретения идейного суверенитета. К сожалению, у меня нет возможности проиллюстрировать «действие» этих механизмов на примере исследований различных сообществ элитарных философов. Это требует отдельного анализа.

4. Философская элита нынешней России складывается первоначально на базе идейно-теоретических платформ, призванных дать ответ на цивилизационные вызовы страны и по возможности создать собственный цивилизационный проект, но продвижение её представителей зависит во многом от идентификационных механизмов, а также от сложившихся ещё в советский период *административных традиций и механизмов корпоративного отбора*. Возможно, поэтому элита до сих пор организована в форме различных корпоративных объединений (анклавов, эксклавов и пр.), являющихся носителями особых комплексов ценностей, в соответствии с которыми вырабатываются механизмы отбора/продвижения элитарных философов.

Так, например, лидеры и участники идейных платформ, корпоративные ценности и административные ресурсы, взятые вместе, составляют своего рода академические *анклавы* (от французского *enclave*, восходящего к позднелатинскому *inclavere* – «запираю на ключ»), которые являются закрытыми или полужакрытыми объединениями и оказывают решающее влияние на стратегию развития и деятельность всего философского сооб-

щества. На практике такие анклавы складываются на базе крупнейших философских учреждений страны и имеют развитую институциональную структуру (факультеты, кафедры, учебно-методические объединения, научные и диссертационные советы, философские издания и пр.).

Надо отметить, что анклавов располагают значительной частью ресурсов и объединяют большинство столичных и региональных элитарных философов по вертикали. Этим они отличаются от других форм философских объединений. К ним относятся сегодня группы либерал-западников и западников-консерваторов, занимающие доминирующие позиции в философском сообществе.

Для региональных философов анклавов стали единственным окном в «большой мир», т.е. в высшую «философскую лигу» или философский истеблишмент. Вот почему многие из них, переезжая на работу в центр (Москву или Санкт-Петербург), получают благодаря своим покровителям лучшие стартовые позиции и дополнительные ресурсы. Главное для них — найти свой анклав и получить поддержку его лидеров. А дальше многое зависит от них самих, в т.ч. от их научных и коммуникативных способностей.

Но основная борьба, в т.ч. и за право считаться элитой, разворачивается не между анклавами западной и правоконсервативной направленности. Скорее всего, последним удалось достичь согласия по вопросам контроля над «территорией философии» в стране, в т.ч. благодаря научным конференциям и деятельности УМО и других экстерриториальных объединений. В первую очередь им противостоят *эксклавы* (от латинского *ex* — «вне», и *clavis* — «ключ», что означает буквально — «без ключа»), т.е. дистанцированные от философского истеблишмента группы философов (преподавателей и исследователей), которым по тем или иным причинам не нашлось места в действующих анклавах.

К эксклавам относятся в первую очередь другие группы консерваторов (евразийцы, левые консерваторы), а также те представители идейно-теоретических платформ в отечественной философии, которые не получили широкую поддержку философского сообщества и доступ к административно-финансовым ресурсам («гиперборейцы», сторонники ноосферизма и пр.). По-

этому институциональные возможности таких объединений ограничены, что вынуждает их выстраивать пространство философии по горизонтали, т.е. устанавливать и поддерживать прямые контакты между единомышленниками.

В известном смысле эксклав есть несостоявшийся анклав. Его следует рассматривать как альтернативу последнему. Поэтому каждый эксклав стремится стать анклавом и этим во многом ограничена его конечная цель. Именно это обстоятельство делает эксклав похожим на контрэлиту. Однако эксклавы, кроме отдельных групп консерваторов, не являются достаточно организованными объединениями, чтобы составить реальную конкуренцию анклавам, т.е. доминирующим группам элиты, состоящим преимущественно из сторонников западнической ориентации.

Известны также случаи корпоративной трансформации эксклавов в анклавы, и наоборот. Например, при объединении вузов в тех или иных регионах России прежние корпоративные объединения философов распадаются, а на их месте образуются другие анклавы, вобравшие в себя ресурсы разных анклавов и эксклавов. Так, бывшие эксклавы, имевшие ранее незначительное влияние, получают шанс стать анклавами и усилить свои позиции за счёт присоединяемых к ним анклавов и эксклавов. В результате такой ассимиляции могут образовываться смешанные и временные корпорации философов, объединяющие представителей бывших анклавов и эксклавов. При этом их участники сохраняют символические «ключи» от дверей родственных анклавов или эксклавов, оставаясь там «своими» ещё длительное время.

Надо признать, что границы между разными объединениями философов-элитариев (анклавами и эксклавами) достаточно размыты в идейно-теоретическом плане и чаще всего определяются корпоративными установками их участников. При этом принадлежность к ним не фиксируется строгими формальными процедурами (например, введением обязательного членства). Скорее всего, они напоминают «клубы по интересам», в которых учитываются идейно-ценностные (западнические, консервативные и пр.) предпочтения участников и их личный вклад в разработку фундаментальных философских идей, разделяемых конвенциональным большинством данного корпоративного объединения.

Быть «своим» в нём означает принимать и поддерживать обще-корпоративные ценности и идеи, что не исключает полностью существование маргинальной позиции «чужой среди своих».

Стоит также отметить, что в плане групповой идентификации анклавов, в отличие от эксклавов, чаще используют механизмы переноса и предпочитают инверсии как прямого, так и косвенного типа. При этом они не стремятся быть самодостаточными в идейно-теоретическом смысле, предпочитая заимствованную повестку дня философских занятий (исследований и дискуссий). Напротив, эксклавы (а также полуанклавы и полуэксклавы) ограничены в концептуальных средствах и прибегают преимущественно к механизмам превращения (конверсии), в т.ч. пытаются приспособить идеи «великих философов прошлого» для разработки собственных концепций, применяя инверсии косвенного типа. И те, и другие прибегают также к механизмам заимствования и участия.

Вывод: философская элита формирует свои механизмы корпоративного отбора, в т.ч. через анклавов, которые разделяют «территорию философии» по вертикали и составляют социально-организационную основу элиты, и эксклавы, стремящиеся не только выстроить горизонтальные связи между философами, но и прорваться «наверх», потеснить правящие анклавов. Между ними существуют временные и искусственные межкорпоративные союзы, возникающие в результате административной реорганизации научно-образовательных учреждений.

Итак, философская элита в России разделена не только по идейно-ценностным основаниям или по региональному признаку, но и посредством идентификационных и корпоративных механизмов. Признать данные различия – это первый шаг к тому, чтобы восстановить и поддерживать хрупкий мир внутри философского сообщества и его элиты, в частности.

Вместе с тем, чтобы преодолеть двойственность нашей философской элиты, необходимо, на мой взгляд, сделать следующий шаг – предложить объединяющую идейно-ценностную платформу или новые «точки сборки» основополагающих идей и, в первую очередь, – Российского проекта цивилизационного развития. Но для этого понадобятся не только новые участники («другие первые»), но и посредники (национальная государствен-

ная бюрократия), которые, возможно, смогут предложить альтернативные, в т.ч. некорпоративные механизмы групповой идентификации или отбора.

3. Пути идейно-ценностной консолидации отечественной философской элиты

На пути к идейному объединению философской элиты: западные рецепции. Представлю вначале попытки интеграции в стане самого влиятельного философского сообщества в стране — либерал-западников и западников-консерваторов, объединяющих множество крупных анклавов (и полуанклавов) страны и прибегающих чаще всего к «прямым» переносам или «внешним» рецепциям в воспроизводстве смыслов, порождённых западной цивилизацией, на российской почве.

В философском пространстве современной России представлены как минимум две исследовательские перспективы интеграции идей Свободы и Порядка, или две интегративные платформы, предложенные западными философами: формирование общества Порядка на основе Свободы (например, концепция «расширенного порядка человеческого сотрудничества» Ф.А. фон Хайека) и утверждение общества Свободы посредством установления коммуникативного Порядка, приемлемого для большинства членов общества (например, «теория коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса). Представлю их вкратце.

Во-первых, как считал Хайек, «для понимания нашей цивилизации необходимо уяснить, что этот расширенный порядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно: он возник из непреднамеренного следования определённым традиционным и, главным образом, моральным практикам...» [2, 37]. Слагаемые этого порядка — рыночные структуры и конкуренция, демократические институты, система морали и права человека. А это — атрибуты западной цивилизации, стремящейся по-прежнему сохранить своё доминирование в мире.

Во-вторых, Ю. Хабермас пытается в свою очередь уйти от философии субъекта и субъектоцентризма, свойственного прежней западной философии, ставя на место субъекта целерационального (инструментального) действия коммуникативный ра-

зум. По его мнению, Порядок, являющийся производной царства субъективности и инструментального разума, ведёт в тупик и, в конечном счете, к саморазрушению социума. Напротив, «коммуникативный разум выражается в связующей силе межсубъектного взаимопонимания и взаимного признания, он описывает универсум коллективной формы жизни» [1, 334]. Но сможет ли такой коммуникативный порядок изменить природу современного капитализма и сделать его благоприятной средой для существования большинства населения? Пока же трудно представить осуществление моделей капитализма общего блага и пр.

В-третьих, обе перспективы («расширенный порядок» Хайека и «коммуникативный порядок» Хабермаса) базируются на принципе самотрансформации и «осовременивания» капитализма. Однако сколь бы изощрёнными ни были попытки этих мыслителей приукрасить или спасти лицо современного капитализма, им не удалось сохранить в своих моделях живого, естественного человека. Последний не вписывается, по Хайеку, в расширенный социальный порядок, который «не соотнобразуется с биологическим естеством человека...» [2, 37]. Капитализм как общественно-экономическая формация западной цивилизации искусственен и отвергает при этом все инстинкты и интересы, которые противоречат его практикам и правилам, кроме, разумеется, одного — инстинкта накопления.

Полагаю, что некоторые представители либерально-западной и консервативно-западной части философской элиты России разделяют указанные идеи Хайека и Хабермаса, используя механизмы прямой инверсии или «внешней» рецепции. Их же оппоненты (левые консерваторы, евразийцы и пр.) пока не готовы предложить альтернативные проекты идейной интеграции философов.

Вывод: предложенные указанными выше мыслителями варианты интеграции основополагающих идей и ценностей (Свободы и Порядка) направлены на совершенствование западной цивилизации и не подходят для определения перспектив цивилизационного развития России с учётом её социокультурной специфики. Их же рецепции, представленные главным образом в творчестве западной части элиты, не находят поддержки среди других элитарных групп (прежде всего, консерваторов).

Консервативный поворот в философии как альтернативная возможность интеграции исследовательских платформ философской элиты России. Нарастающая конфронтация с Западом только ускорила процесс профессионального и гражданского самоопределения отечественных философов. Но на пути к их консолидации находятся идейные и ценностные различия, в т.ч. принципиальное расхождение в определении цивилизационных ориентиров. Кроме того, правящей элите философов, среди которых преобладают западники, в т.ч. западники-консерваторы, трудно отказаться от ключевых позиций в сообществе и соответствующих административно-финансовых ресурсов. Да и консервативная альтернатива пока ещё не сформирована в полной мере. Поэтому у философов-консерваторов, находящихся пока на периферии действующей элиты и располагающих сетью эксклавов (и полуэксклавов) остаётся единственный путь – попытаться договориться с западниками.

Поиск *интегративных идейно-ценностных платформ (проектов)* на консервативной (пророссийской) основе ещё только начинается. Имеется, как минимум, несколько платформ, вокруг которых объединены философы. О них говорилось недавно на семинаре сектора философских проблем политики ИФ РАН (см. прим. 7). К сожалению, у этого перечня проектов нет единого идейно-ценностного основания. К тому же к нему следует добавить и другие проекты, в т.ч. проект государства-цивилизации, ноосферный проект, разрабатываемый последователями В.И. Вернадского, и экологический проект, который представляет ряд исследователей Центра и Сибири России. Для начала перечислю их:

- либерально-западнический проект России, европеизм или западнизм (либерал-западники);
- проект России как буржуазной и дружественной Западу цивилизации, соединяющей в себе западнические идеи и российские традиции (консерваторы-западники);
- проект славянской цивилизации, панславизм (панславянские консерваторы);
- проект православной цивилизации, византизм (православные консерваторы);
- проект русского мира, русизм (сторонники русской идеи);

- проект государства-цивилизации, этатизм (консерваторы-государственники);
- евразийский проект, евразийство (евразийцы);
- проект советской цивилизации, социализм (сторонники социализма с российской спецификой);
- проект гиперборейско й цивилизации, гиперборейство (сторонники протоцивилизации, возникшей на севере России);
- ноосферный проект, ноосферизм (сторонники ноосферного подхода);
- экологический проект (экоконсерваторы).

Как известно, за каждым из этих проектов стоят конкретные группы исследователей и коммуникативные сети, но далеко не все могут претендовать на элитарное положение в философии, а тем самым опираться на свой анклав или эксклав. Такие претензии сохраняет, прежде всего, либерально-западническая часть философского сообщества, обладающая развитой сетью анклавов, и отчасти консервативно-патриотические представители элиты, объединённые в эксклавы и полуэксклавы (сторонники «русского мира», «консерваторы-государственники», евразийцы и пр.). Другие же проекты, оказавшись вытесненными на периферию, слабо влияют на формирование повестки дня отечественной философии.

Но, увы, ни одна из указанных платформ, в т.ч. западническая или консервативная, не могут сегодня служить единственной основой для идейного сближения философов. У них разные, чаще всего несовместимые друг с другом теоретико-методологические и корпоративные предпосылки. Однако, чтобы обозначить главные линии сближения, наметившегося внутри философской элиты, попытаюсь их объединить по цивилизационному основанию «Порядок – Свобода» в четыре группы, а именно:

1) объединённая консервативно-западническая платформа, вобравшая в себя некоторые идеи либерально-буржуазной мысли и вместе с тем сохраняющая консервативные ценности (сеть анклавов и полуанклавов в стране) – *расширенный (либерально-консервативный) порядок российской цивилизации;*

2) объединённая платформа русского православно-христианского мира, опирающаяся на византийские и панславянские

традиции, а также имеющая поддержку в церковных кругах (экс-клавы и полуэксклавы) — *русско-православный порядок цивилизации («русский мир»)*;

3) объединённая платформа евразийской цивилизации и государства-цивилизации, которая приняла в себя лучший опыт социалистического строительства, но не получила ещё широко-го публичного признания и государственной поддержки (экс-клавы и полуэксклавы) — *евразийский социальный порядок*;

4) объединённая платформа эконоосферной и экосоциальной цивилизации, соединившая в себе идеи экологизма, социализма и ноосферы (эксклавы) — *экосоциальный порядок или «новая естественность»*.

Но даже в таком укрупнённом виде эти платформы трудно интегрировать. Они чужды друг другу мировоззренчески и методологически, кроме, возможно, евразийского и экосоциального проектов. Кроме того, не каждая из групп, представляющих эти проекты, может претендовать на звание философской элиты России. Определённые возможности есть только у консервативно-западнической платформы, обладающей развитой сетью анклавов в стране, и отчасти у некоторых консервативных течений (русско-православного, «государственнического» и евразийского), которые опираются на идеи русских философов, а также на поддержку некоторых государственных институтов и православной церкви. Не удивительно, что пока меньше всего шансов на реализацию у объединённого эконоосферного проекта. Его история только начинается. И, тем не менее, именно последний, благодаря широте своей идейно-теоретической платформы способен консолидировать многих сторонников интеграции, в т.ч. тех, кто непосредственно не входит в элиту.

Отсюда вытекает ещё один вывод: для поиска общеприемлемой интегративной платформы цивилизационного развития России, способной объединить нашу философскую элиту, нужны новые точки «сборки». При этом необходимо преодолеть, с одной стороны, крайности радикально-либерального дискурса о российской цивилизации и религиозно-эсхатологические предубеждения, а с другой, раскол между «буржуазной» (пролиберально настроенной) частью элиты и «народной» философской интеллигенцией.

Таблица 2. Пути возможной интеграции идейно-ценностных платформ российской философской элиты

Идейно-ценностные платформы (простая группировка)	Объединённые платформы и социальная организация (обобщённая группировка)	Векторы интеграции философской элиты (группировка, соответствующая консервативному повороту в философии)
1. Проект России как неотъемлемой части западной либеральной цивилизации, европеизм (сеть философских анклавов по стране)	1-2. Объединённая консервативно-западническая исследовательская платформа, вобравшая в себя идеи либеральной и консервативной мысли (сеть анклавов и полуанклавов)	1-3. Корпоративно-буржуазный вектор: корпоративный субъектоцентризм как идейно-ценностная ориентация капитализма. Преобладающий тип личности – корпоративно-буржуазный человек. Идейные течения: <i>правый консерватизм, социальный конструктивизм, экоккапитализм.</i> Модель общественного развития: «улучшенные» версии капитализма, в т.ч. корпоративный капитализм, посткапитализм, капитализм «общего» блага, экоккапитализм и пр.
2. Проект России как самостоятельной и дружественной Западу цивилизации (полуанклавы)		
3. Проект славянской цивилизации и панславизм (эксклавы)	3-6. Объединённая платформа русского православно-христианского мира, опирающаяся на византийские, панславянские и гиперборейские традиции (сеть эксклавов и полукскавлов)	4-11. Социально-евразийский вектор: ориентация на место, местобытие («сбережение народа и его культуры») и месторазвитие. Преобладающий тип личности – симфоническая личность, <i>евразийский человек.</i> Идейные течения: <i>классическое евразийство, социальный консерватизм, экосоциализм и др.</i> Общественная модель: <i>евразийский социализм</i> с элементами рынка и самоуправления (демотии).
4. Проект православной цивилизации и византизм (полукскавлы)		
5. Проект русского мира, русизм (полукскавлы)		
6. Проект гиперборейства как протоцивилизации, возникшей на севере России (эксклавы)		
7. Евразийский проект и идея всечеловечности (полукскавлы)		
8. Проект государства-цивилизации, этатизм (полукскавлы)		
9. Проект советской цивилизации и социализм (эксклавы)	7-9. Объединённая платформа евразийской цивилизации, которая вобрала в себя традиции всечеловечности, идею государства-цивилизации и лучший опыт социалистического строительства в СССР (сеть эксклавов и полукскавлов)	
10. Проект ноосферной цивилизации – последователи В.И. Вернадского (эксклавы)		
11. Проект экологической цивилизации (эксклавы)		
Отдалённая перспектива синтеза корпоративно-буржуазного и социально-евразийского векторов на основе проекта экоевразийской цивилизации		

Представлю теперь некоторые результаты возможной интеграции исследовательских платформ и проектов в виде таблицы (см. табл. 2).

Итак, на данном этапе анализа возможной интеграции философской элиты можно остановиться на определении двух основных векторов. Я их называю условно корпоративно-буржуазным и социально-евразийским (социоевразийским), соотно-

сящимся условно с буржуазно-мещанским и народно-социалистическим началами общественного развития. Им соответствуют разные критерии развития (корпоративный субъектоцентризм или местоцентризм), типы личности (корпоративно-буржуазные индивиды или симфонические личности), модели общественной организации («улучшенный» капитализм, в т.ч. капитализм «общего блага», или евразийский социализм с элементами рынка и самоуправления или демотии), а также различные исследовательские методологии (концепции капитализма, построенные на базе корпоративизма и конструктивизма, с одной стороны, и концепции классического евразийства и социального консерватизма, с другой).

Что же сближает или разделяет между собой левых и правых консерваторов? Сближают общие принципы, которые мы выявляем в ходе исторической реконструкции концепций русской философии, в т.ч. *софийность* (мыследействие из единого источника — духа, устанавливающего связь абсолютного с относительным, повседневным), *соборность* (собрание, объединяющее действие), *справедливость* (поиск Правды), *всечеловечность* («быть всем со всеми, оставаясь при этом самим собой»), *правлящий отбор* (см. прим. 8). А разделяют представления о характере цивилизационного порядка (традиционный или справедливый порядок). Я бы добавил к ним ещё и экологический императив: *соразмерность* жизни человека среде его обитания, забота о своём доме (как берегающее или оберегающее действие).

Однако не все сторонники консервативного крыла философской элиты разделяют эти принципы. Труднее всего будет найти общий язык с консерваторами-западниками. Возможно, с ними можно попытаться объединиться на базе экологических ориентиров цивилизационного развития.

Поэтому одной из таких точек сборки отечественной философской элиты в нынешних условиях может стать в перспективе *идея экосоциальной и евразийской (или экоевразийской) цивилизации*, которую я попытался обосновать в ряде своих статей [1-3]. Возможно, на этой основе удастся найти альтернативу западной парадигме с её различными версиями «улучшенного», оптимизированного капитализма (посткапитализм, капитализм общего блага и пр.).

Для продвижения экоинтегрального (экоевразийского) проекта цивилизационного развития России в философском сообществе подходит не только корпоративный, но и ассоциативный тип связей. Речь идёт об объединении философов на основе представлений о предпочитаемом ими способе и месте развития основополагающих философских идей. Ассоциации (лат. *associatio* — соединение, взаимосвязь) как союзы единомышленников и идейно близких исследователей постепенно дополняют собой корпоративные объединения. И такие ассоциации вполне может объединить в перспективе Российское философское общество, которое в значительно меньшей степени, чем существующие институции, подвержено влиянию западников и корпоративно-бюрократической коррозии.

Однако следует признать, что в будущем (в перспективе 5-10 лет) российской философской элите скорее всего не удастся соединить корпоративно-буржуазный и социально-евразийский векторы в рамках единой интегративной платформы. Поэтому борьба между ними продолжится уже в ближайшие годы. А значит, философская элита страны пока сохранит свою двойственность. Значительная её часть останется корпоративно-буржуазной по духу, соединив в себе анклавов западников-консерваторов или правых консерваторов. Другая же часть объединит корпоративных и ассоциативных сторонников социально-евразийского вектора (в т.ч. новых «почвенников», евразийцев, экоконсерваторов и сторонников государства-цивилизации), логика реализации которого предполагает дальнейшее утверждение принципов всечеловечности, социальной справедливости, сотрудничества, симфоничности, правящего отбора и экологичности.

Я надеюсь, что у России рано или поздно появится шанс повернуться лицом к экосоциальному/евразийскому (экоевразийскому) вектору цивилизационного развития и сформировать на его основе «смешанную» (корпоративно-ассоциативную) философскую элиту, которой окажется под силу осуществить идейно-теоретический синтез в форме модели *экоевразийской цивилизации*. Но это уже предмет отдельного философского прогноза.

Вывод: несмотря на консервативный поворот, нынешняя (корпоративная по сути) философская элита, состоящая из анклавов, сосредоточенных в её центре сообщества, и эксклавов,

находящихся на его периферии, раздроблена и пока не готова представить единый (интегративный) проект цивилизационного развития России. Удастся ли экоинтегральной парадигме продвинуть свои позиции и стать объединяющей идейной платформой, покажет время.

Что же дальше? «Первые среди равных» (вместо выводов). Вряд ли в этом очерке я смог предложить обоснование всех путей дальнейшего развития философской элиты страны. Но некоторые штрихи к её обобщённому портрету мне всё же удалось набросать.

1. Философы, несмотря на тяжёлый период, переживаемый ими на данном историческом этапе, продолжают искать свой путь в постижении и преобразовании мира. «Хождение в элиту» — лишь один из вариантов этого пути, который складывается в буржуазном обществе и связан с утверждением властных отношений внутри философского сообщества. Элитарии ведут борьбу за доминирование их картины мира и построенной на её основе идейной платформы, а также за контроль над ресурсами и институтами. Такова их природа. Нашей элите, чтобы предложить интегративную платформу, придётся освободиться от своей буржуазной корпоративности, а также создать новые образцы философствования и сети коммуникаций. Но никто не отменял и путь «хождения по мукам», который выбрали отдельные группы философов (сторонники гиперборейских, панславянских, ноосферных и т.п. идей).

2. В настоящее время философская элита России представляет собой сложный и внутренне противоречивый корпоративный феномен. Её двойственный характер обусловлен, с одной стороны, местом бытия и ценностными установками, определяемыми двумя общественными началами («буржуазно-мещанским» и «народно-социалистическим»), с другой — разными представлениями о цивилизационном статусе российской философии (западничество, консерватизм и пр.), а также её идейно-теоретической зависимостью от западной философии и недостаточной готовностью к смене мировоззренческой парадигмы с западноцентристской на россицентристскую.

3. Сможет ли измениться сама элита, которая в своём большинстве служила десятилетиями идеалам западной философии и следовала к тому же её канонам? Полагаю, что если изменятся

стратегические приоритеты России, а государственной бюрократии удастся консолидироваться, освободившись от своей компрадорской части, то и ей придётся измениться. Идеальный суверенитет страны и её философии, в частности, зависит во многом от согласованных и скоординированных усилий национально ориентированной части политической и философской элиты.

4. Консервативный поворот как реверсивное движение философской элиты в сторону национальных интересов постепенно происходит, но, чтобы ускорить этот процесс, необходимо дополнить существующие механизмы идентификации (инверсия, конверсия, рецепция, партиципация) и корпоративного отбора (анклавы и эксклавы) механизмами селекции и свободного ассоциирования (например, проблемные экспертные советы и проектные группы, формируемые снизу и относительно независимо от сложившихся институциональных структур). Вместе с тем нужно создать дополнительные социальные лифты для продвижения молодых исследователей, которые со временем смогут стать «другими первыми» и пополнить ряды обновлённой элиты.

5. Путь к консолидации элиты лежит, с одной стороны, через образование интегративной идейно-ценностной платформы, с другой стороны, посредством образования новых центров активности философов, которые со временем дополнят собой анклавы и эксклавы нынешней элиты, разделяющие философское сообщество по вертикали и горизонтали. Формирование таких центров в форме ассоциаций, в которых проявят себя «другие первые», возможно в долгосрочной перспективе и на проектной основе (см. прим. 9).

6. Следовательно, будущее философской элиты в значительной мере зависит от тех, кого можно назвать условно «другими первыми», которые не связаны прежними корпоративными обязательствами и адаптационными механизмами, консервирующими иерархические и властные отношения внутри философского сообщества. У них есть возможность стать «первыми среди равных». Но для их появления на исторической сцене уже сегодня нужно создать необходимые предпосылки, в т.ч.:

а) разработать интегративную идейно-ценностную платформу, сближающую позиции сторонников корпоративно-буржуазного и социально-евразийского векторов интеграции элиты;

б) сформировать ассоциативные формы связей и объединений, соединяющие идейно близких исследователей (единомышленников) на основе совместных проектов;

в) организовать институциональную сеть для продвижения экоинтегрального проекта цивилизационного развития России (межрегиональные проектные группы, семинары, школы, образовательные и просветительские программы, журналы и другие издания);

г) развивать международное сотрудничество с философами дружественных стран по экосоциальной и евразийской проблематике.

7. Надеюсь, что в рамках РФО нам удастся: (1) провести анализ деятельности существующих философских центров России и ведущих отечественных философов; (2) организовать сеть проектов и проектных групп, которые в будущем смогут стать институциональной базой для идейного сближения членов философского сообщества; (3) разработать основы философской политики России, ориентированной на проектирование её цивилизационного развития с учётом критериев всечеловечности, месторазвития, экологичности и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Пути построения экологической цивилизации в России (экоинтегральный подход) // *Личность. Культура. Общество*. – 2022. – Вып. 2 (№ 114). – С. 89-115.

2. Резник Ю.М. Проект экологической цивилизации для России (собственные основания и китайский опыт) // *Проблемы цивилизационного развития*. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 140-159.

3. Резник Ю.М. Экологической цивилизации в России быть (ответ рецензентам) // *Личность. Культура. Общество*. – 2022. – Вып. 3-4 (№ 115-116). – С. 148-154.

4. Соловьёв В.С. Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 175-184.

5. Философия в публичном пространстве современной России. Сборник материалов. – М.: ЛУМ, 2015. – 104 с.

Примечания

1. Что такое буржуазия в её классическом понимании? «Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*. Т. 4. С. 424). Новая буржуазия, сложившаяся в России в начале XX века, формировалась из числа обогатившихся крестьян, купцов и промышленников. Нынешняя же (новейшая) претерпела существенные изменения и состоит из крупных бизнесменов, финанси-

стов, руководителей государственных корпораций, высших государственных чиновников. Их всех объединяет одна общая черта – принадлежность к правящему классу, который контролирует систему власти и основные ресурсы страны.

2. Нужно отметить, что мода – это все-таки внешнее, преходящее явление, а есть глубинные мировоззренческие тренды, задаваемые самой природой цивилизации. К сожалению, определённая часть философов попадает на «модный крючок». Она не видит из-за своих часто прагматических интересов глубинной потребности заниматься сегодня онтологическими, в т.ч. цивилизационными, основаниями отечественной философии.

3. См.: https://iphras.ru/wcph_2024.htm (дата обращения – 20.02.23).

4. Что же предлагают обсудить организаторы конгресса в Риме? Это – проблемы неравенства, культурного и гендерного разнообразия, справедливости и политических преобразований в глобальном масштабе. Конгресс сосредоточится на пяти сферах границ: (1) персонажи: варианты осуществления (женщины в истории философии, искусственный интеллект и разум); (2) переходы: уязвимость знания (межкультурные обмены, перевод, воображение, междисциплинарность); (3) справедливость: гражданство, забота и самоопределение (власть и борьба, доверие, истина и знание); (4) земля: жизнь в устойчивом мире (биоразнообразии и экология, этика и живые существа); (5) бесконечность: пустота и опыт (красота, гламур и грация, временность и свобода действий). См.: <https://wcprome2024.com/first-circular/> (дата обращения – 28.01.23).

5. См.: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения – 01.03.2023).

6. См.: <https://iphras.ru/page50640164.htm> (дата обращения – 01.03.2023).

7. См.: <https://iphras.ru/archives.htm> (дата обращения – 01.03.23).

8. См.: Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: НИГО, 2020. – С. 17-120.

9. В настоящее время РФО представляет собой особый полуэксклав (общественное объединение философов, складывающееся преимущественно по горизонтали), который опирается на поддержку своих членов и ресурсы уже сложившихся анклавов (философских подразделений вузов и академических институтов). Есть ли у него шанс стать проектной структурой ассоциативного типа? Думаю, что есть. Но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Yuriy M. Reznik

THE PHILOSOPHICAL ELITE IN MODERN RUSSIA: ON THE WAY TO CONSOLIDATION

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: reznik-um@mail.ru

Abstract: the article identifies some trends in the formation of the philosophical elite in modern Russia and shows its dual nature. Currently,

it needs to self-define itself in order to respond to the current civilizational challenges of Russia, which come from the West. On ideological and valuable grounds, it is divided into several groups («Westerners», «conservatives», supporters of the «Russian world», etc.). To consolidate the elite, it is necessary to develop integrative, «unifying» ideological platforms and use the design capabilities of various centers of professional activity of Russian philosophers.

Keywords: *Russia, the West, civilization, philosophy, philosophical elite, evaluation criteria, ideological platform, Westerners, conservatives, regional elite, group inversion, conversion, integrative platform, projects.*

REFERENCES

1. *Reznik Yu.M.* Puti postroyeniya ekologicheskoy tsivilizatsii v Rossii (ekoin-tegral'nyy podkhod) // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* – 2022. – Vyp. 2 (№ 114). – Pp. 89-115.
2. *Reznik Yu.M.* Proyekt ekologicheskoy tsivilizatsii dlya Rossii (sobstvennyye osnovaniya i kitayskiy opyt) // *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya.* – 2022. – T. 4. – № 1. – Pp. 140-159.
3. *Reznik Yu.M.* Ekologicheskoy tsivilizatsii v Rossii byt' (otvet retsenzentam) // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* – 2022. – Vyp. 3-4 (№ 115-116). – Pp. 148-154.
4. *Solov'yov V.S.* Gosudarstvennaya filosofiya v programme Ministerstva narodnogo prosveshcheniya // *Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika.* – M.: Izd-vo «Pravda», 1989. – Pp. 175-184.
5. *Filosofiya v publichnom prostranstve sovremennoy Rossii. Sbornik materialov.* – M.: LUM, 2015. – 104 p.

Дата поступления – 09.03.2023 г.